

С. В. Смирнов

ПИФОН – НАСЛЕДНИК АЛЕКСАНДРА В ТЕНИ ВЕЛИКИХ СОВРЕМЕННОК*

Статья посвящена политической биографии диадоха Пифона, сына Кратева, – одного из исторических персонажей периода раннего эллинизма, деятельность которого мало изучена. Будучи телохранителем Александра и влиятельным полководцем, Пифон принимал участие в разделе его империи. В 323 г. до н.э. Пифон стал сатрапом Мидии, а с 320 г. занимал должность стратега «верхних сатрапий». После убийства Пердикки (лето 320 г.) Пифон совместно с диадохом Арридеем был объявлен регентом империи. Анализ источников позволяет утверждать, что Пифон стремился создать собственное государство на Ближнем Востоке с центром в Мидии.

Ключевые слова: Пифон, диадохи, эллинизм, Антигон Одноглазый, Иероним из Кардии, Селевк I.

К каждому исследователю, когда-либо обращавшемуся к событиям эпохи раннего эллинизма, хорошо известно, что политическая история этого периода имеет большое количество лакун. Основная причина этого – плохое состояние источников. За исключением труда Диодора Сицилийского, сообщения древних авторов представляют собой разрозненные и противоречивые фрагменты. В результате исследователь сталкивается с невероятным нагромождением исторических ситуаций, лишь в самых общих чертах поддающихся хронологической систематизации. Между тем первые несколько десятилетий после смерти Александра – это период, который имеет колоссальное историческое значение для Восточного Средиземноморья, Ближнего Востока и Средней Азии. Именно в это время происходит зарождение принципиально новых форм политической и социально-экономической организации, определивших основы эллинистической цивилизации.

Уже достаточно давно история раннего эллинизма стала объектом специальных исследований. За долгие годы интенсивной работы были сделаны важнейшие открытия в различных областях истории эллинистических государств в начальный период их существования. И теперь время формирования эллинистической государственности практически перестали называть «переломом» и все чаще называют «переходом», подчеркивая не разрыв со «старым миром», а наоборот – преемственность по отношению к нему¹.

И все же большое количество белых пятен в истории раннего эллинизма препятствует формированию общей картины событий. С уверенностью можно говорить лишь о том, что в период с 323 по 281 г. до н.э. происходила ожесточенная борьба

Смирнов Святослав Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 14-31-01233 «Распад империи Александра Македонского в контексте политических биографий “малых” диадохов».

¹ См. La transition... 2006.

между бывшими соратниками Александра Македонского, ознаменовавшая распад его империи. Главными действующими лицами этого противостояния были диадохи². Традиционно в историографии под «диадохами» принято понимать политических наследников Александра Македонского, иными словами, тех исторических деятелей конца IV – начала III в. до н.э., которые начинали свою карьеру еще в походах Александра и активно участвовали в разделе его державы. Среди них широко известны Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет, Пердикка, Антипатр, Эвмен, Птолемей, Селевк, Лисимах, Кассандр. Все эти персонажи – политики и полководцы – были первыми лицами эпохи раннего эллинизма. Некоторые из них создали в Восточном Средиземноморье сильные государства, а их потомки на протяжении еще двух веков пытались всячески сохранить наследие предков, уже тогда ставших легендой и объектом религиозного поклонения.

Однако на фоне этих центральных персонажей, так сказать, в их тени, остались полузабытыми те, кого без всяких условностей также можно было бы назвать диадохами. Речь идет о соратниках Александра, которые также обладали политическим влиянием при жизни великого завоевателя, а после смерти включились в борьбу за его наследство, но по разным причинам оказались на политической периферии или просто погибли в непрерывных войнах. К их числу непременно следует отнести Пифона, сына Кратева, Певкеста, Стасанора, Антигена, Сибиртия, Лаомедонта и многих других.

Причиной этого «забвения» можно считать тенденциозность наших источников, важнейшим из которых является повествование Иеронима из Кардии, сохранившееся в пересказе Диодора Сицилийского. Для Иеронима, долгие годы служившего при дворе Антигонидов, центральными фигурами периода войн диадохов, конечно же, были наиболее влиятельные личности, в первую очередь те из них, кто имел какое-либо отношение к Антигону Одноглазому или Деметрию Полиоркету. Сочинение Иеронима из Кардии легло в основу практически всех трудов, посвященных событиям истории раннего эллинизма. Так, свидетельства Иеронима, кроме Диодора, использовали Аппиан, Плутарх, Трог/Юстин, Полиэн и Арриан³. Все эти авторы «унаследовали» как достоинства, так и недостатки традиции Иеронима, в том числе и характерное для него разделение всех исторических персонажей раннеэллинистического периода на главных и второстепенных, – так сказать, «больших» и «малых» диадохов.

К сожалению, и более поздняя историография обошла вниманием «малых» диадохов. Кроме нескольких просопографических работ, нет специальных исследований, посвященных этой теме⁴. Весьма краткие сообщения о них всегда вписаны в более общий контекст истории раннего эллинизма. Между тем детальное изучение политических биографий многих из «малых» диадохов открывает большие перспективы и позволяет не только существенно дополнить общую картину событий, но и пересмотреть и скорректировать устоявшиеся точки зрения на политические процессы, проходившие на Балканах и в Восточном Средиземноморье в конце IV в. до н.э. Данная работа посвящена одному из таких «забытых» диадохов – Пифону, сыну Кратева.

² Понятие «диадох» появилось еще в древности. Применительно к данным политическим фигурам его впервые употребили авторы-современники диадохов – Нимфид из Гераклеи и Иероним из Кардии.

³ О биографии и традиции Иеронима см. Brown 1947, 684–696; Hornblower 1981, 5–17; Roisman 2010, 135; Смирнов 2009, 74–79.

⁴ См. Berve 1938; Bengtson 1965; Heckel 1992; 2006.

О происхождении Пифона известно мало. Его отцом Арриан называет некого Кратева (*Anab.* VI. 28; *Ind.* XVIII. 6; *FGrHist* 156. F. 9)⁵. Как полагал Г. Берве, именно этот Кратев упоминается в надписи из Гамбрия в Мизии, относящейся к 326/325 году (*Syll.*³ 302)⁶. Однако, учитывая распространенность этого имени среди македонян, уверенно присоединиться к такому мнению мы не можем. Неизвестно и то, имел ли Кратев, отец Пифона, какое-то отношение к Кратеву – убийце македонского царя Архелая (*Ael.* VIII. 9; *Diod.* XIV. 37. 6; *Arist. Polit.* V. 8. 10). Дискуссионным является и вопрос о родстве Пифона с Кратевом – полководцем Кассандра (*Diod.* XIX. 50–51)⁷.

Когда родился Пифон и откуда он был родом, также остается загадкой. Арриан называет Пифона в числе восьми телохранителей Александра (*Anab.* VI. 28), что, безусловно, должно подчеркивать знатность его происхождения. Учитывая, что все телохранители и «друзья» были примерно одного возраста с царем, можно предположить, что Пифон родился примерно в середине IV в. до н.э.

О месте рождения Пифона существует три версии. Парадоксально, но две из них принадлежат одному автору – Арриану. В «Анабасисе» (VI. 28) он пишет, что Пифон, как, кстати, и Птолемей, сын Лага, был родом из Эордеи – небольшой области в горной Македонии. В «Индики» (XVIII. 6) Арриан отмечает, что Пифон был уроженцем Алкомен, которые Страбон (VII. 9) помещает в небольшую область – Эфикию, располагавшуюся поблизости от реки Эригон на границе Эпира, Македонии и Фессалии. Интересна третья версия, которую предлагает Юстин. Он называет Пифона иллирийцем (XIII. 3. 18; 4. 13). Согласно Стефану Византийскому (*Ethnica.*, s.v. *Alkomenai*), в Иллирии также располагался город Алкомены. Определиться в пользу какой-то одной из версий крайне сложно. И все же заметим, что, поскольку среди ближайших соратников Александра не было ни одного чужеземца, вариант, предложенный Юстином, кажется менее вероятным⁸. В целом источники подчеркивают одно обстоятельство – Пифон происходил из какого-то периферийного аристократического рода, видимо, не игравшего большой роли в македонской политике. В данном случае можно провести параллель между Пифоном и Селевком, который также являлся уроженцем довольно отдаленной области, при этом семья Селевка, несмотря на явно военный род занятий, не была заметной при царском дворе⁹.

Карьера Пифона началась при Александре. К сожалению, подробности его политического роста, безусловно связанного с походами на Восток, остаются в тени. Первое упоминание о Пифоне относится к индийской кампании, в которой он принимал непосредственное участие. По сообщению Арриана (*Ind.* XVIII. 6), Пифон, как и другие приближенные к царю полководцы, был триерархом – командиром одного из кораблей, переправлявшихся через Гидасп. В другом месте Арриан (*Anab.* VI. 28) приводит список царских телохранителей, видимо, сопровождавших царя в Индии. Среди них мы встречаем самых видных приверженцев Александра, в будущем влиятельных диадохов: Пердикку, Птолемея, Лисимаха, Леоннату. Сюда же Арриан относит и Пифона. Уже к концу правления Александра

⁵ Важно не путать Пифона, сына Кратева, с другим его современником – Пифоном, сыном Агенора, который также был полководцем Александра, а в 325 г. до н.э. стал сатрапом области долины Инда (*Arr. Anab.* VI. 15. 4).

⁶ Berve 1938, 221.

⁷ Heckel 2006, 195.

⁸ См. противоположную точку зрения: Fox 2011, 370.

⁹ Смирнов 2013, 40–43.

Пифон стал одним из наиболее приближенных к царю людей. В Сузах он в числе других телохранителей и наряду с Неархом, Онесикритом и Гестефионом был удостоен золотого венка (Arr. Anab. VII. 5. 6). Имя Пифона упоминается и среди тех, кто перед смертью Александра совершил ритуальную инкубацию в храме Сераписа (Arr. Anab. VIII. 26; Plut. Alex. 76).

Пифон принимал участие в разделе империи Александра. Изначально он входил в круг сторонников Пердикки. О политической активности Пифона на собрании диадохов в Вавилоне в 323 г. свидетельствует только Курций Руф, однако едва ли можно допустить, что, будучи телохранителем Александра и весьма высокопоставленным придворным, Пифон выбрал политически пассивную позицию. Напротив, Курций Руф (X. 7. 4–5) сообщает, что в самый разгар споров между диадохами из-за фигуры будущего наследника слово взял Пифон. В продолжительной и эмоциональной речи он открыто выступил противником идеи передачи власти большому Филиппу Арридею. Эффект от сказанных Пифоном слов оказался обратным: многие диадохи (в первую очередь Мелеагр) стали сочувствовать Арридею и предприняли попытку возвести его на престол. Однако Пифон не отступился и объявил Пердикку и Леоннату опекунами еще не рожденного сына Александра и Роксаны (Curt. X. 7. 8)¹⁰.

После мятежа Мелеагра Пердикка стал единоличным регентом и покровителем Александра, сына Александра. Антипатру же было поручено опекать царство Филиппа Арридея в Европе. Вряд ли речь Пифона и его активность сыграли решающую роль в расстановке политических сил в державе Александра в 323 г., но нельзя не отметить то, каким влиянием обладал Пифон. Подтверждает эту мысль и тот факт, что на собрании 323 г. Пифон был назначен сатрапом Мидии – стратегически значимого региона на востоке империи (Arr. FGrHist. 156. F. 1. 5; Diod. XVIII. 3. 1; Curt. X. 10; Dexipp. F. 1a. 17)¹¹.

Таким образом, уже в 323 г. до н.э. Пифон занял один из ключевых постов в государстве. В ходе многочисленных конфликтов между Антипатром и Пердиккой, начавшихся сразу же после окончания собрания диадохов в Вавилоне, Пифон был на стороне регента. Но невзирая на эти внешние проявления преданности, отношения между Пердиккой и Пифоном строились неровно. Как кажется, регент вел весьма осторожную политику в отношении бывших соратников Александра. Одним (Селевку, Пифону) он щедро раздавал должности в центральном аппарате и в сатрапиях, другим (Мелеагру) угрожал расправой. Сложно сказать, насколько сплоченным был круг сторонников Пердикки и насколько они были преданы своему лидеру. Во всяком случае, последующие события, связанные с убийством регента, показывают, что в ближайшем окружении Пердикки нашлись те, кто был готов на предательство. Ситуация с Пифоном осложнялась тем, что новый сатрап Мидии мог с момента своего назначения вынашивать планы по строительству собственного государства на Востоке. В связи с этим показателен случай с восстанием греческих колонистов.

¹⁰ Р. Биллоуз (1997, 53, 56) считает, что Пифон наряду с Леоннатом и Птолемеем составлял группу диадохов – сторонников коллективного управления государством. Однако данное утверждение базируется лишь на общих идеях, высказанных диадохами в Вавилоне. На деле же никаких единых политических блоков Пифон, Птолемей и Леоннат не создавали.

¹¹ Об этих событиях см. Errington 1970, 49–53; Bosworth 2002, 36–37; Rathmann 2005, 26–50. О распределении сатрапий на вавилонском собрании диадохов см. специальное исследование: Klinkott 2000, 17–66.

Подробные сообщения о мятеже греческих военных поселений в «верхних сатрапиях» представлены в сочинении Диодора (XVIII. 4. 8; 7. 1–9). Юстин лишь упоминает сам факт восстания, подавленного Пифоном (Prol. XIII). Достоверно не известно ни время начала этого восстания, ни его точное место. Мы лишь можем предположить, что поводом для мятежа, бесспорно носившего антиправительственный характер, стали смерть Александра и последующая смена власти. Стоит отметить, что греки-колонисты данного региона давно были недовольны властью Александра и уже поднимали восстание в 325 г. до н.э., спровоцированное лишь только слухами о внезапной гибели царя в Индии. Возможно, и в данном случае смерть Александра (уже реальная) стала поводом для открытого мятежа, который мог начаться еще в 323 г. Однако регент и другие диадохи не могли немедленно отреагировать на эту опасность ввиду необходимости решения вопроса о наследнике. Диодор сообщает, что до Пердикки доходили слухи о волнениях в «верхних сатрапиях», но ответить на них он смог только после ликвидации оппозиции Мелеагра (XVIII. 4. 8).

Как отметил Г.А. Кошеленко, главной причиной этого восстания, которое, по сути, выглядело как масштабный «исход на родину», являлось отсутствие системы традиционного гражданского коллектива (полиса) в новых греческих поселениях на востоке¹². Этот мятеж представлял серьезную угрозу власти Пердикки в регионе. Игнорирование его могло фактически означать потерю некоторых восточных сатрапий, поэтому для подавления мятежа был отправлен именно Пифон (Diod. XVIII. 7. 4).

Какими же полномочиями он обладал? Как мы уже отметили, на собрании диадохов в Вавилоне в 323 г. Пифон был назначен сатрапом Мидии. Также из некоторых источников известно, что как минимум после 320 г. он занимал должность стратега «верхних сатрапий» (Diod. XIX. 14. 1). В более поздний период мы не раз встречаем такое совмещение должностей. Например, соратник Антигона Одноглазого, Никанор, одновременно был сатрапом Мидии и стратегом «верхних сатрапий». Позднее, при Селевкидах, такая практика стала прочной традицией¹³. Но занимал ли Пифон должность стратега «верхних сатрапий», отправляясь на ликвидацию мятежа греческих колонистов? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. В. Хекель предполагает, что Пифон все-таки был стратегом «верхних сатрапий» и имел чрезвычайные полномочия для набора крупного войска в сатрапиях¹⁴. Напротив, М. Ольбрыхт считает, что этот пост Пифон мог занять лишь после встречи в Трипарадисе¹⁵. Действительно, Диодор (XVIII. 7. 3) называет Пифона стратегом. Однако источник никак не указывает на то, что Пифон являлся именно стратегом «верхних сатрапий». Скорее всего, в данном случае речь идет просто о полководческих обязанностях, которые исполнял Пифон.

Стоит отметить еще одно обстоятельство. В распоряжение Пифона Пердикка выделил 3 тыс. пеших и 800 конных воинов. Несмотря на то что этот отряд состоял из ветеранов армии Александра¹⁶, этих сил было явно недостаточно. Для поддержки Пифона Пердикка написал несколько писем восточным сатрапам (Diod. XVIII. 7. 3). Речь в них шла о необходимости оказать Пифону помощь, прежде всего

¹² Подробнее об этих событиях см. Кошеленко 1972, 59–78; 1979, 181–221; Шофман 1984, 172; Waterfield 2011, 30–32; Olbrycht 2013, 163.

¹³ Capdetrey 2007, 268–271.

¹⁴ Heckel 1992, 277; 2006, 195.

¹⁵ Olbrycht 2013, 164.

¹⁶ Roisman 2012, 72.

военную. Так, сатрапы должны были предоставить целое войско – 10 тысяч пехоты и 8 тысяч конницы. Но сам факт обращения регента непосредственно к сатрапам подчеркивает, так сказать, экстраординарность миссии Пифона. Если бы на момент восстания он все же являлся стратегом «верхних сатрапий», то в таких прямых приказах из центра не было бы никакого смысла. Из более поздней практики известно, что должность стратега «верхних сатрапий» предполагала широкие военные функции. Более того, Диодор замечает, что сатрап Мидии стремился к самостоятельной власти в «верхних сатрапиях» (XVIII. 7. 4), но еще не обладал ею¹⁷.

Диодор – наш единственный источник по данной теме – довольно кратко описывает события, связанные с подавлением мятежа греков-колонистов. Согласно ему, Пифон, получив необходимую помощь от сатрапов, не спешил вступать с восставшими в сражение, а начал вести с ними переговоры. Как повествует источник (Diod. XVIII. 7. 4), через союз с греками Пифон намеревался утвердиться в «верхних сатрапиях» и, возможно, даже отложиться от регента¹⁸. Он действовал осторожно и предусмотрительно. Подкупив греческого командира по имени Литодор, Пифон обеспечил себе победу в решающей битве (Diod. XVIII. 7. 6). После сражения победитель Пифон приказал грекам вернуться в свои катойкии. Рассчитывая воспользоваться их поддержкой, он заранее пресек грабежи среди македонян и пощадил побежденных. Но неожиданный приказ Пердикки спутал все планы Пифона. Регент распорядился уничтожить всех восставших и разграбить их поселения. Такой поворот событий заставляет предположить, что Пердикка знал о намерениях Пифона. Более того, авторитет бывшего телохранителя Александра среди македонян был достаточно велик, поэтому подозрения Пердикки могли выглядеть вполне оправданными. Можно сказать, что опережающие действия Пердикки застали Пифона врасплох и он подчинился приказу регента. В конечном счете мятеж был жестоко подавлен, греческие катойкии уничтожены, а Пифон, по замечанию Диодора (XVIII. 7. 9), вынужден был временно оставить надежды на подчинение «верхних сатрапий»¹⁹.

Успешная кампания в «верхних сатрапиях» заметно укрепила авторитет Пифона в войсках, и он продолжил свою карьеру в качестве одного из ведущих полководцев Пердикки. В конце 322 г. до н.э. Пифон присоединился в Писидии к Пердикке, ведшему войну против Каппадокии²⁰. Объединение сил Пифона и Пердикки

¹⁷ См. Billows 1997, 55.

¹⁸ Характеристика Пифона, данная Диодором (Иеронимом?), выполнена в несколько литературной манере с элементами смысловой игры. Так, Диодор (XVIII. 7. 3) называет Пифона способным полководцем (*δυναμέων στρατηγείν*) и человеком, преисполненным силы воли (*φρονήματος δὲ πλήρη*). Однако употребленное здесь выражение можно понимать и как «человек, преисполненный гордыни». В другом месте Диодор (XVIII. 7. 4), свидетельствуя о намерениях Пифона утвердиться в «верхних сатрапиях», называет его *μεγαλειβόλος*, т.е. «замышляющий великие дела». Дж. Хорнблауэр (1981, 169) полагает, что данная оценка личности Пифона является типичным для Иеронима проявлением *ιδιοπραγία* – особой характеристики для диадохов, стремившихся отделиться от центральной власти.

¹⁹ Дж. Ройзман (2012, 85) высказал предположение, что помещенный в данном фрагменте рассказ о соперничестве Пифона и Пердикки восходит к традиции Иеронима из Кардии. При этом в труде Иеронима данный мотив соперничества представлял собой анахронизм. Для Иеронима большее значение имела борьба Эвмена из Кардии и Пифона за превосходство в «верхних сатрапиях», происходившая в 317/316 г. до н.э.

²⁰ Bosworth 2002, 62; Roisman 2012, 89. Впрочем, участие самого Пифона в этой войне спорно.

говорит пусть о безусловном, но тем не менее доверии регента своему полководцу. Участие Пифона в египетском походе 320 г. также позволяет предположить, что Пердикка все же отнесся к Пифону снисходительно. Хотя не исключено, что регент вынужден был считаться с настроениями македонян, для которых Пифон оставался весьма влиятельной фигурой. Возможно, именно это обстоятельство не позволило ему расправиться с Пифоном так же, как некогда с Мелеагром.

Неудачная египетская кампания Пердикки, являвшаяся эпизодом Первой войны диадохов, стала концом правления регента. После провальной попытки переправиться через один из каналов в дельте Нила у Мемфиса, стоившей Пердикке больших потерь, авторитет регента сильно упал. Диодор сообщает о внутреннем расколе в войске (XVIII. 36. 4–5). Полководцы из числа всадников выступили против Пердикки и всей фаланги в целом. Ведущую роль среди них занимал Пифон. В результате этого заговора несколько командиров проникли в палатку Пердикки и убили его (Diod. XVIII. 36. 5; *Per. Eum.* 5)²¹.

Окончательно не подтверждено участие Птолемея в убийстве Пердикки. В источниках нет никаких сведений об этом, но, как кажется, Птолемей имел непосредственное отношение к заговору. Угрожающее наступление армии Пердикки на Египет было серьезным испытанием для его власти. Даже несмотря на то что армия регента продвигалась очень медленно и несла большие потери, она явно представляла большую опасность, поэтому заинтересованность Птолемея в ликвидации Пердикки очевидна. Более того, стоит обратить внимание и на политическую активность Птолемея после убийства Пердикки. Согласно Диодору (XVIII. 36. 6), уже на следующий день Птолемей явился в лагерь наступавшего на Египет войска. Он приветствовал воинов и пообещал обеспечить их продовольствием и всем необходимым, чем вызвал всеобщее ликование. Кроме того, при непосредственном участии Птолемея два полководца армии Пердикки – Пифон и Арридей – были назначены новыми регентами (Diod. XVIII. 39. 1). Как полагает Р. Биллоуз, во избежание конфликта с Антипатром и Антигоном Птолемей не стал самостоятельно претендовать на пост регента, а выдвинул на эту должность две менее влиятельные фигуры²². Тем не менее Пифон и Арридей находились под сильным политическим влиянием Птолемея.

Смерть Пердикки создала некий вакуум власти, заполнить который планировалось только осенью 320 г. на собрании диадохов в Трипарадесе. Однако на время, необходимое для сборов и перемещения армии из Египта в Сирию, Пифон и Арридей возглавили распадающуюся империю.

Это событие без преувеличения можно назвать пиком карьеры Пифона. По свидетельству Арриана (FGrHist. 156. F. 9. 30), Пифон и Арридей изначально выби-

²¹ Важно отметить, что Диодор не сообщает имен убийц Пердикки. Согласно его повествованию, убийство Пердикки стало результатом мятежа полководцев, которыми руководил Пифон. В свою очередь Непот, лишь упоминая об убийстве Пердикки, называет убийцами Селевка и Антигена. Возможно, в данном случае перед нами две традиции, одна из которых принадлежит Иерониму из Кардии.

²² Billows 1997, 67. См. похожее мнение Bennett, Roberts 2008, 35. В. Хекель также считает, что Пифон и Арридей стали регентами благодаря влиянию Птолемея (Heckel 1992, 278; ср. Roisman 2012, 105–107). Напротив, Н. Хаммонд, принимая во внимание сообщение Арриана (FGrHist. 156. F. 9. 30), подчеркивал определяющую роль собрания полководцев в данной ситуации (Hammond 1984, 58).

рались как временные регенты²³. Их главной задачей было обеспечение прибытия войска в Трипарадис для участия в новом собрании диадохов. Таким образом, срок их регентства был весьма кратким. От гибели Пердикки весной 320 г. до встречи в Трипарадесе в конце лета 320 г. прошло всего несколько месяцев²⁴. Тем не менее за это время Пифон и Аридей успели принять одно, но политически важное решение. Еще находясь в Египте, они приказали казнить пятьдесят сторонников Эвмена и Алкеты (Arr. FGrHist. 156. F. 9. 30). Этот приговор можно считать своеобразным прологом «политики Трипарадеса», осуждавшей всех соратников Пердикки.

Сомневаться в легитимности действий Пифона и Арридея не приходится. Должность, которую занимали полководцы, предоставляла им широкие полномочия. Диодор (XVIII. 39. 1) называет Пифона и Арридея регентами царства (οἱ τῶν βασιλέων ἐπιμελεταί). Примечательно, что ту же должность занимал Пердикка, а позднее Антипатр²⁵. У Арриана (FGrHist. 156. F. 9. 30) Пифон и Арридей именуются предводителями (ἄρχοντες). Как конкретно распределялись полномочия между Пифоном и Арридеем и распределены ли вообще – неизвестно. Источники не выделяют из этой пары главного. Допустимо, что Пифон командовал отрядами всадников, Арридей же – фалангой.

В данном контексте стоит обратить особое внимание на свидетельство Юстина (XIII. 8. 10), вызывающее большие сложности в интерпретации. Источник сообщает, что после убийства Пердикки его соратников – Эвмена, Пифона Иллирийца и Алкету – войско объявило врагами. Каким образом в данном сообщении в числе бывших сторонников Пердикки оказался Пифон – абсолютно не ясно. Наиболее простым объяснением может быть допущенная автором ошибка, что время от времени встречается в повествовании Юстина. Но можно предположить, что в данном случае речь идет о другом персонаже по имени Пифон. В целом эпитет «иллириец», которым Юстин наделяет Пифона, весьма настораживает. Как мы показали выше, вероятность того, что Пифон, сын Кратева, был родом из Иллирии, крайне невысока. Другой известный диадох с именем Пифон – сын Агенора – также не был иллирийцем. Вероятно, в данном отрывке может быть упомянут третий Пифон, действительно происходивший из Иллирии и принявший сторону Эвмена после гибели Пердикки. В повествовании же Юстина этот Пифон «иллириец» отождествлен с Пифоном, сыном Кратева.

Несмотря на то что Пифон и Арридей были регентами всего несколько месяцев, их власть имела политических противников. Как кажется, не все диадохи были согласны с Птолемеем, открыто оказавшим протекцию новым регентам. Ведь столь снисходительный поступок Птолемея мог вести лишь к усилению его собственного могущества. Так, нам известно о конфликте царицы Эвридики, жены Филиппа Арридея, с Пифоном и Арридеем. Этот инцидент послужил одной из причин отставки последних²⁶. Суть его заключалась в следующем. Когда Пифон и Арридей летом 320 г. во главе войска прибыли в Трипарадис, то узнали, что царица Эвридика настойчиво вмешивается во все политические дела и явно настроена

²³ В историографии временный характер полномочий Пифона и Арридея в целом не ставится под сомнение (Mehl 1986, 31; Bengtson 1987, 31; Waterfield 2011, 65; Roisman 2012, 136). Между тем об этом свидетельствует только Арриан. Диодор же никак не отмечает этой особенности. См. Billows 1997, 67.

²⁴ Voüy 2007, 134.

²⁵ Bosworth 2002, 56–57; Rathmann 2005, 28–29.

²⁶ См. Carney 1987, 498.

на немедленной передаче всей власти ее мужу. Регенты не согласились с ее требованиями и упрекнули царицу в том, что она не имеет права решать вопросы, входящие в их компетенцию (Arr. FGrHist. 156. F. 9. 31). Однако когда Пифон и Арридей узнали, что многие македоняне из числа их войска попали под влияние царицы, они созвали войсковое собрание и отказались от своих должностей (Diod. XVIII. 39. 2). В качестве нового регента был выбран Антипатр.

Трудно дать оценку этому поступку Пифона и Арридея. Вероятно, их временные полномочия должны были закончиться с прибытием Антипатра (главного претендента на пост регента) и Антигона. Однако почему Пифон инициировал войсковое собрание еще до прибытия Антипатра – остается необъяснимым. Несмотря на интриги Эвридики, у нас нет оснований считать ее активность главной причиной такой поспешной отставки. Заметим, что смещение Пифона и Арридея не было для Эвридики конечной целью. Она продолжила строить свои козни и после отставки регентов, пытаясь расположить войско против Антигона. И только прибытие в Трипарадис Антипатра разрешило ситуацию. Эвридика была устранена из большой политики.

В качестве возможной причины столь поспешной отставки Пифона и Арридея можно назвать внутреннюю смуту, царившую в македонском войске. Действительно, огромная армия, прибывшая в Трипарадис, переживала не лучшие времена. За 321–320 годы произошло немало событий, тяжело воспринимавшихся в войсках: неудачный поход в Египет, внутренний раздор между командирами конницы и фаланги, затем убийство Пердикки и последующая расправа с верными ему полководцами. Важно отметить, что войско Пердикки на какую-то часть все еще состояло из ветеранов Александра, на глазах которых происходил раздел империи их господина. Нетрудно представить, какие настроения царили в войске, прибывшем в Трипарадис, где решалась дальнейшая судьба всего государства. Арриан упоминает (FGrHist. 156. F. 9. 32) еще одно обстоятельство, «подогревавшее» определенные настроения в армии, – серьезную задержку жалованья. Именно этим и воспользовалась Эвридика, затеявая интриги сначала против Пифона и Арридея, затем против Антигона, а позже и против Антипатра. Таким образом, отставку Пифона и Арридея можно связать с конфликтной ситуацией в войске. В данном случае у Пифона, очевидно, был выбор: занять сторону Антипатра или присоединиться к недовольным. Пифон выбрал «средний путь». Сохраняя верность Антипатру, в кульминационный момент он подал в отставку, формально передав управление войском прибывшему в Трипарадис Антигону и переложив тем самым на него все проблемы. К слову, эти проблемы стали и для Антигона слишком тяжелым бременем, и он также не смог решить их.

Встреча в Трипарадесе стала поворотным пунктом в истории диадохов. На ней были распределены главные посты империи: Антипатр стал регентом, а Антигон был наделен широкими полномочиями в Азии. Эвмен – самый яркий сторонник Пердикки – был официально объявлен главным врагом диадохов. Разгром Эвмена стал главной целью новой власти. Как и в Вавилоне в 323 г., в Трипарадесе в очередной раз фактически открыто было объявлено о распаде империи Александра. Все наиболее видные диадохи получили ее части. Пифон подтвердил свое право на обладание Мидией²⁷. Но кроме этого он занял пост стратега «верхних сатрапий», что фактически означало господство Пифона на всей территории к востоку от Евфрата.

²⁷ Klinkott 2000, 67–74.

Следующие несколько лет жизни Пифона, как и истории восточных сатрапий в целом, можно восстановить лишь приблизительно. Ощущение полного распада империи Александра, безусловно царившее на собрании в Трипарадесе, подталкивало диадохов к открытому сепаратизму. Политическая модель Птолемея, оказывавшего сильное влияние на некоторых диадохов, вероятно, казалась многим достаточно жизнеспособной. Во всяком случае, Селевк, получивший в 320 г. в управление Вавилонию, занялся не войной против Эвмена, а скорее обустройством своей сатрапии, налаживая отношения с местными храмовыми элитами²⁸. Сходной политической модели придерживался и Пифон, который, так же как и Селевк, достаточно пассивно «воевал» с Эвменом. Вероятно, первые годы после Трипарадеса Пифон был отвлечен исключительно заботами создания собственного государства в Мидии. Несмотря на то что о внутривосточной активности Пифона нам ничего не известно, источники сохранили несколько упоминаний о его внешней политике.

Еще в 323 г. до н.э., когда Пифон в первый раз получил в управление Мидию, ему пришлось столкнуться с проблемой проведения северной границы сатрапии. Проблема эта заключалась в том, что в 323 г. Мидия как географический регион была разделена на две части. Южная была отдана Пифону, а северная переходила к некоему Атропату. Об этом Атропате известно не так много²⁹. Иранец Атропат был представителем старой персидской знати. Он начинал свою карьеру еще при Дарии III, тогда же и стал сатрапом Мидии³⁰. В 331 г. до н.э. Атропат во главе отряда мидян принял участие в битве при Гавгамелах (Arr. Anab. III. 8). После поражения Дария Атропат какое-то время занимал антимакедонскую позицию, но когда персидский царь погиб, он сдался Александру. На короткое время Атропат был лишен должности сатрапа Мидии, управлять которой стал другой перс – Оксидат. Однако уже в 328 г. Оксидат был смещен с этого поста по подозрению в заговоре против Александра, а Атропат был восстановлен в прежнем статусе (Arr. Anab. IV. 18). При новой власти Атропат поспешил сделать верноподданническую карьеру. В 324 г. он, встречая Александра на пути из Индии, продемонстрировал свою лояльность и выдал царю мятежника Бариакса, объявившего себя царем персов и мидян (Arr. Anab. VI. 29). В свою очередь, подчеркивая почтение к Атропату, Александр выдал его дочь за одного из своих телохранителей – Пердикку (Arr. Anab. VII. 4). Льстивость и услужливость Атропата, его попытки всячески угодить Александру очень хорошо показаны в одной легенде, приведенной Аррианом. Суть ее заключается в том, что Атропат, преисполненный уважения к Александру, подарил ему сто женщин, которых сам назвал амазонками. В достоверности того, что эти женщины действительно были амазонками, сомневался и сам Арриан (Anab. VII. 13). Однако принципиальный момент здесь именно в том, что Атропат старался не повторять ошибок своего предшественника Оксидата и других знатных персов, казненных Александром, притом совершенно очевидно вынашивая планы по созданию собственного немакедонского государства. Видимо, не просто так Страбон отмечает (XI. 13. 1), что Атропат не допустил, чтобы та часть Мидии, которая досталась ему в управление, досталась македонянам³¹.

²⁸ Смирнов 2013, 49.

²⁹ См. Heckel 2006, 61–62.

³⁰ См. Алиев 1989, 55–62. Против того, что Атропат был ахеменидским сатрапом, выступал З.И. Ямпольский (1974, 176–177).

³¹ ἡ δ' ἑτέρα μερίς ἐστὶν ἡ Ἀτροπάτιος Μηδία τοῦνομα δ' ἔσχεν ἀπὸ τοῦ ἡγεμόνος Ἀτροπάτου, ὃς ἐκώλυεν ὑπὸ τοῖς Μακεδόσι γίνεσθαι καὶ αὐτὴν μέρος οὖσαν μεγάλης Μηδίας.

После смерти Александра Атропат получил в управление часть Мидии (Diod. XVIII. 3. 3). Подробности его правления в регионе остаются неизвестными, однако Страбон отмечает, что Атропат объявил себя царем и правил в своей области еще достаточное количество лет, передав власть своим потомкам (XI. 13. 1). Далее Страбон уточняет, что наследники Атропата управляли областью и в начале I в. н.э., указывая тем самым на прочность власти как самого Атропата, так и его преемников. Политический статус Атропата остается абсолютной загадкой. Источники называют его ἡγεμῶν, что в данном случае может иметь достаточно широкую интерпретацию. Диодор упоминает Атропата только в связи с разделом империи Александра в 323 г., когда тот получил часть Мидии (впрочем, источник не конкретизирует – какую). В контексте же встречи при Трипарадесе и повторного распределения сатрапий Атропат уже не встречается. Однако, если верить Страбону (XI. 13. 1), Стефану Византийскому (s.v. Ἀτροπατία) и Геродиану (De prosodia 3. 1. 287), Атропат продолжал править той частью Мидии, которая впоследствии получила название Атропатена. Означает ли это, что македонская власть смирилась с отпадением далекой сатрапии и переходом ее под власть бывшего полководца Дария III? Вероятно, смерть Александра и последовавший за ней политический вакуум создали благоприятную почву для формирования идей сепаратизма у местных элит на окраинах империи.

Когда Пифон впервые столкнулся с «проблемой Атропата», мы не знаем. Первые годы после смерти Александра он был занят общегосударственными задачами: подавлением греческого мятежа в «верхних сатрапиях», участием в войне с Птолемеем, и, наконец, какое-то время Пифон являлся регентом, находясь в центре политической борьбы. Но, разумеется, Пифон не мог не знать о ситуации с Атропатом. Тем не менее наиболее вероятно, что Пифон обратился к этой проблеме уже после Трипарадеса.

Раздел Мидии, некогда единой сатрапии, безусловно, должен был вызвать конфликтную ситуацию между Пифоном и Атропатом³². Не стоит упускать из вида и то обстоятельство, что Атропат был тестем умерщвленного Пердикки и вполне мог быть объявлен диадохами общим врагом, как последователь Пердикки Эвмен или его брат Алкета. Но о каких-либо военных действиях между сатрапами ничего не известно. Безусловно, это можно было бы объяснить плохим состоянием наших источников, однако заметим, что сам Атропат, видимо, не покушался на владения Пифона и занял только северную часть Мидии, принадлежащую ему согласно договору 323 г. В данном случае более вероятным решением проблемы представляется заключение договора между Пифоном и Атропатом, в котором были просто оговорены зоны влияния и границы. С одной стороны, такой договор обезопасил бы владения Атропата, целостности которых мог реально угрожать лишь стратег «верхних сатрапий». С другой – данное соглашение гарантировало Пифону надежного союзника, притом располагавшего отличным военным потенциалом³³, столь необходимым ему для реализации более амбициозных планов, чем захват отдаленной сатрапии.

³² Р. Биллоуз (2000, 300) даже предполагает, что создание Мидии Атропатены было результатом напряженности отношений между Пердиккой и Пифоном. Для ограничения власти Пифона в регионе Пердикка урезал часть его владений, передав их своему тестю Атропату.

³³ Страбон, ссылаясь на Аполлониду, свидетельствует, что военный потенциал Атропатены был столь велик, что в случае войны область могла выставить 10 тысяч всадников и 40 тысяч пеших воинов (XI. 13. 2).

Не будет преувеличением предположение, что в восточных сатрапиях Пифон проводил независимую внешнюю политику, целью которой было установление его единоличной власти на территории «верхних сатрапий». Как свидетельствует Диодор (XIX. 14. 1), вскоре после того, как Пифон стал стратегом «верхних сатрапий» (как отмечалось выше, это произошло на встрече в Трипарадесе)³⁴, он убил правителя Парфии Филиппа и поставил на его место своего брата Эвдама³⁵. Неизвестно как конкретно Пифон сместил Филиппа: одержав победу в войне или в результате заговора. Такой смелый и даже в некоторой степени дерзкий поступок, который однозначно мог спровоцировать остальных диадохов начать войну против самого Пифона, стал возможен лишь после смерти Антипатра в 319 г., когда на Балканах началась череда войн за его наследство, а Антигон был слишком занят борьбой с Эвменом.

Вероятно, смещение Филиппа изначально планировалось Пифоном лишь как первый этап создания в «верхних сатрапиях» собственного государства³⁶. Пифон намеревался схожим образом ликвидировать и остальных восточных сатрапов. Утверждать это позволяет сообщение Диодора (XIX. 14. 2) о немедленной реакции восточных сатрапов на убийство Филиппа: объединив усилия, они начали войну против Пифона. Результатом стало полное поражение последнего. Диодор сообщает (XIX. 14. 2), что разгром Пифона состоялся именно в сражении, имевшем место на территории Парфии. Также источник сообщает, что в этой битве Пифон потерял многих сподвижников, имея в виду, вероятно, и Эвдама. После этого Пифон вынужден был вернуться в Мидию, но уже довольно скоро он покинул этот регион и отправился в Вавилон, где был принят Селевком (Diod. XIX. 14. 3).

Сатрапов, выступивших против Пифона, Диодор называет поименно, подчеркивая внушительность и масштабность антипифоновской коалиции. Среди них были: Певкест, сатрап Персиды, Тлеподем, сатрап Кармании, Сибиртий, сатрап Арахосии, Оксиарт, отец Роксаны и сатрап Паропамисад, отправивший вместо себя полководца Андробаза, Стасандр, сатрап Арии и Дрангианы, сатрап долины Инда Эвдам, сатрап Сузианы и предводитель «среброщитых» – Антиген. Примечательно, что поражением Пифона немедленно воспользовался Эвмен³⁷. Будучи в затруднительном положении и остро нуждаясь в союзниках, Эвмен понял, что одержавшие быструю победу над Пифоном войска восточных сатрапов могут стать прекрасным союзником для дальнейшей борьбы с Антигоном. Поэтому

³⁴ В том, что Пифон был легитимно назначен стратегом «верхних сатрапий» сомневается Л. Шобер (1981, 74–78). Он полагает, что Пифон самовольно занял этот пост. Также см. Anson 2004, 160–161. Not. 39.

³⁵ Berve 1938, 221–222; Schober 1981, 74–79; Heckel 1992, 278; Billows 1997, 89–90; Waterfield 2011, 94–95. В тексте Диодора упоминается не сатрап, а стратег Парфии Филота. В целом в историографии это принято считать ошибкой источника, поскольку сатрапом Парфии в 320 г. стал Филипп, сменивший на этом посту перса Фратаферна. Напротив, А. Босворт (2002, 106) полагает, что Филипп мог погибнуть в войне против Фратаферна, а его место занял Филота – полководец Филиппа.

³⁶ Как полагает Э. Ансон (2004, 160), Пифон связывал свою власть в «верхних сатрапиях» с регентом Пердиккой, который некогда предоставил ему чрезвычайные полномочия для ликвидации греческого восстания.

³⁷ Аппиан (Суг. 53), не называя имени Пифона, лишь отмечает, что Эвмен после бегства от войска Антигона захватил Мидию.

Эвмен поспешил отправить в «верхние сатрапии» письмо с призывом выступить на его стороне. Восточные сатрапы ответили согласием³⁸.

Безусловно, сам факт присоединения восточных сатрапов к коалиции Эвмена вызывает множество вопросов. Политика восточных сатрапов в данной ситуации представляется не менее дерзкой и вероломной, чем убийство Филиппа Пифоном. Ведь не так давно, на встрече в Трипарадесе, все диадохи объявили своим главным врагом Эвмена. Однако вскоре большая часть диадохов, получивших в управление сатрапии на Востоке, открыто перешла на сторону Эвмена, что, как кажется, не могло произойти без определенных предпосылок, случайно или в один момент (как это подает Диодор). Более того, случай с Пифоном предполагает, что восточные сатрапы, формировавшие коалицию, были связаны договорами. Нельзя утверждать наверняка, но, возможно, еще в Трипарадесе некоторые из них выражали доверие Эвмену. Этим можно отчасти объяснить и назначение стратегом «верхних сатрапий» именно лояльного к власти Антипатра и Антигона Пифона, имевшего к тому же определенный авторитет в регионе³⁹.

Для борьбы с Пифоном коалиция восточных сатрапов собрала внушительное войско: более 22 тысяч пеших воинов, 4500 всадников, 10 тысяч лучников и 120 слонов (Diod. XIX. 14. 5–8). Эти силы выглядят столь значительными, что невольно закрадывается мысль о том, что такая армия, собиравшаяся из разных уголков восточных областей империи, вероятно, на протяжении долгого времени, изначально предназначалась не для конфликта с Пифоном, а для масштабной войны. Тот факт, что Пифон располагал менее значительными силами⁴⁰, отчасти подтверждается той быстротой, с какой он потерпел поражение. Отметим, что впоследствии это поистине огромное восточное войско воевало против армии Антигона – подходящего по силе соперника.

Война Антигона с Эвменом стала решающим событием в жизни Пифона⁴¹. Вероятно, еще накануне конфликта с восточными сатрапами или уже в ходе него Пифон, как и Селевк, сатрап Вавилонии, получал письма и принимал посольства от Эвмена (Diod. XIX. 12. 1). Определенное давление оказывал и Антиген. Будучи одним из заговорщиков, участвовавших в убийстве Пердикки, он также пытался привлечь силы Пифона и Селевка на борьбу с Антигоном. Однако все эти действия не имели должного результата. Более того, и Пифон, и Селевк пытались в свою очередь также уговорить македонян покинуть Эвмена (Diod. XIX. 13. 1)⁴². После поражения и последующего бегства Пифона к Селевку (не позднее осени 318 г.) оба сатрапа попытались организовать сопротивление Эвмену, находившемуся уже

³⁸ Об этих событиях сообщает и Юстин (XLI. 4. 2), однозначно подразумевая под «народами Верхней Азии» (*cum ceteris superioris Asiae populis*) именно присоединившихся к Эвмену восточных сатрапов.

³⁹ Непот (Eum. 7), опуская подробности формирования отношений между Эвменом и восточными сатрапами, указывает на их союз еще в начале противостояния с Антигоном. Весьма интересна позиция М. Ольбрыхта (2013, 164). Он отмечает, что причиной формирования союза восточных сатрапов было чувство политической общности «верхних сатрапий», которое определялось представлениями о независимости иранских территорий в целом.

⁴⁰ По сообщению Полиэна (IV. 6. 14), уже после победы над Эвменом Антигон якобы планировал предоставить Пифону пять тысяч пеших и одну тысячу конных воинов – необходимое для обеспечения безопасности Мидии войско.

⁴¹ Подробнее об этом см. Anson 2004, 147–190; Bennett, Roberts 2009, 55–88.

⁴² Anson 2004, 158–159.

в Вавилонии (Diod. XIX. 12. 5)⁴³. Перспектива объединения с войском восточных сатрапов буквально вынудила Эвмена ускоренно преодолеть просторы Вавилонии и устремиться в Сузы, где вдобавок он рассчитывал обогатиться за счет царской сокровищницы. Поэтому сопротивление Пифона и Селевка, которое и без того представляется весьма слабым, осталось практически незамеченным.

Ситуация поменялась, когда весной 317 г. в Вавилонию прибыл Антигон (Diod. XIX. 17. 2). Он сразу же договорился с сатрапами о совместных действиях и начал приготовления к схватке с Эвменом. Между тремя диадохами был заключен договор (κοινωπραγία)⁴⁴. В отличие от Селевка, который остался в Вавилоне, Пифон принимал непосредственное участие во всех передвижениях армии Антигона. Вероятно, Пифон присоединился к Антигону после его поражения у переправы через реку Копрат в конце июня 317 г., когда возникла необходимость похода в Мидию. Пифон был необходим Антигону как сатрап Мидии, хорошо знавший особенности региона. Это подтверждается свидетельством Диодора (XIX. 19. 7), который особо отмечает ценность советов Пифона, адресованных Антигону.

По прибытии в Мидию Пифон получил от Антигона приказ на вербовать новых всадников, а также снабдить войско вьючными животными (Diod. XIX. 20)⁴⁵. По всей видимости, это не составило ему никакого труда. Во-первых, как отмечает и сам Диодор, Мидия действительно изобиловала лошадьми и вьючными животными, а во-вторых, как кажется, Пифон сумел сохранить определенное влияние в регионе. Не исключено, что в Мидии оставалось и немало сторонников Пифона.

В армии Антигона Пифон занимал должность полководца. Изначально видно, что иерархия была выстроена таким образом, что Пифон фактически находился в подчинении Антигона. Однако его положение и военный опыт ставили его выше других полководцев Антигона. В 317 г. Пифон принял участие в битве у Паратакены, командуя левым флангом. В битве при Габиене (зима 317/316 г.) Антигон доверил Пифону руководство правым флангом войска, которому противостояли самые сильные отряды армии Эвмена – слоны и тяжелая конница (Diod. XIX. 40). С этим поручением Пифон справился успешно. Как известно, сражение закончилось полной победой Антигона. В результате Эвмен и многие его соратники были уничтожены Антигоном.

Ликвидация Эвмена не гарантировала Антигону стабильности в Азии. Коалиция восточных сатрапов, выступивших на стороне Эвмена, хотя и потерпела поражение, все еще была способна организовать сопротивление. Перспективы затяжной войны абсолютно не соответствовали планам Антигона, который стремился принять участие в борьбе за Восточное Средиземноморье, а не идти походом на Восток⁴⁶. Таким образом, недоступными для Антигона оставались несколько сатрапов, среди которых можно назвать Тлеполема, Стасанора и Оксиарта.

Однако оставить «восточный вопрос» нерешенным фактически означало потерять инициативу в регионе. Поэтому, пожалуй, единственным способом укрепления власти на Востоке для Антигона стала «чистка» старого сатраповского состава.

⁴³ Bengtson 1987, 37

⁴⁴ Подробнее см. Mehl 1986, 49; Шофман 1984, 83.

⁴⁵ Heckel 1992, 278.

⁴⁶ В данном случае ситуацию хорошо иллюстрирует отрывок из Диодора (XIX. 48): «Он (Антигон) разрешил, чтобы Карманией владел Тлеполем, а Бактрией таким же образом Стасанор, ведь не легко было их, хорошо управлявших местным населением и имеющих много сподвижников, сместить с помощью писем».

Эта «чистка» обернулась смещением большинства сатрапов из числа ближайших соратников Александра и заменой их на лояльных Антигону политиков. Были смещены приверженцы Эвмена – Певкест и Антиген (Diod. XIX. 44. 1; 48), последний был отправлен на казнь. Однако перемены ждали не только противников, но и союзников Антигона. Так, был казнен и обвиненный в предательстве Пифон (Diod. XIX. 46. 1–4; Polyæn. Strat. 4. 6. 14)⁴⁷. Как сообщают источники, Антигон заявил о намерении поручить Пифону управление «верхними сатрапиями». Под этим предлогом он вызвал Пифона из Мидии, где тот находился на зимних квартирах, и обвинил в измене. Вероятно, что, как и Пердикка, Антигон знал о замыслах Пифона создать собственное государство в Азии. По всей видимости, ликвидация такого влиятельного диадоха, как Пифон, была для Антигона не простым делом. Для этого было созвано войсковое собрание, которое по наущению Антигона осудило Пифона и приговорило его к смерти. Одним из немногих восточных сатрапов, выживших в этой «чистке», был Селевк, вовремя оценивший ситуацию и бежавший к Птолемею.

Установление власти Антигона на Востоке можно считать концом истории «малых» диадохов. Те из них, кто не погиб в борьбе с Антигоном, перестали реально влиять на последующие политические процессы. Ни Диодор, ни другие авторы больше ничего не сообщают об этих исторических персонажах. Создается впечатление, что после 316 г. все они в одночасье оказались на периферии зарождающегося эллинистического мира. Поэтому решить вопрос, что перед нами – нехватка исторической информации или объективные реалии политической истории – на данный момент невозможно. Продолжали ли восточные сатрапы вести независимую политику или присоединились к более крупным государствам? Как долго правили на Востоке эти наследники Александра? Ответить на эти вопросы вряд ли когда-нибудь удастся. И все же, когда Диодор повествует о походе Селевка I на Восток в 307–305 годах до н.э., ни о каких сатрапах из числа «малых» диадохов он уже не упоминает.

Литература

1. Алиев И. 1989: Очерк истории Атропатены. Баку.
2. Дьяконов И.М. 2008: История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. СПб.
3. Кошеленко Г.А. 1972: Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ, 1. 59–78.
4. Кошеленко Г.А. 1979: Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
5. Смирнов С.В. 2009: Гиероним из Кардии о Селевке I // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 74–79.
6. Смирнов С.В. 2013: Государство Селевка I: политика, экономика, общество. М.
7. Шофман А.С. 1984: Распад империи Александра Македонского. Казань.
8. Ямпольский З.И. 1974: Об Атропате – современнике Александра Македонского // ВДИ. 4. 176–177.
9. Anson E.M. 2004: Eumenes of Cardia. A Greek among Macedonians. Boston – Leiden.
10. Bennett B., Roberts M. 2008: The Wars of Alexander's Successors 323–281 BC. I. Commanders and Campaigns. L.
11. Bennett B., Roberts M. 2009: The Wars of Alexander's Successors 323–281 BC. II. Battles and Tactics. L.
12. Bengtson H. 1987: Die Diadochen. Die Nachfolger Alexanders des Grossen. München.
13. Berve H. 1938: Peithon (4) // RE. 220–222.

⁴⁷ Heckel 1992, 279; Billows 1997, 105. А.С. Шофман (1984, 87) полагал, что Пифон действительно пытался интриговать против Антигона.

14. *Billows R.* 1997: *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State.* Berkeley–Los Angeles–Oxford.
15. *Billows R.* 2000: *Polybius and Alexander Historiography // Alexander the Great in Fact and Fiction / A.B. Bosworth, E.J. Baynham (eds.).* Oxf.
16. *Boiy T.* 2007: *Between High and Low. Chronology of the Early Hellenistic Period.* Frankfurt-am-Main.
17. *Bosworth A.B.* 2002: *The Legacy of Alexander.* Oxf.
18. *La transition...2006: La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques / P. Briant, F. Joannès (eds.)* P.
19. *Brown T.S.* 1947: *Hieronymus of Cardia // AHR.* 4, 684–696.
20. *Capdetrey L.* 2007: *Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–126 avant J.-C.).* Rennes.
21. *Carney E.* 1987: *The Career of Adea-Eurydike // Historia.* 36, 496–502.
22. *Errington R.M.* 1970: *From Babylon to Triparadeisos: 323–320 B.C. // JHS.* 90. 49–77.
23. *Fox R.L.* *Philip's and Alexander's Macedon // Brill's Companion to Ancient Macedon / R.L. Fox (ed.).* Leiden – Boston, 2011.
24. *Hammond N.G.L.* 1984: *Alexander's Veterans after his Death // GBRS.* 25, 51–60.
25. *Heckel W.* 1992: *The Marshals of Alexander's Empire.* L.–N.Y.
26. *Heckel W.* 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire.* Oxf.
27. *Hornblower J.* 1981: *Hieronymus of Cardia.* Oxf.
28. *Klinkott H.* 2000: *Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit.* Stuttgart.
29. *Mehl A.* 1986: *Seleukos Nikator und sein Reich. I. Seleukos' Leben und die Entwicklung seiner Machtposition.* Leuven.
30. *Olbrycht M.J.* 2013: *Iranians in the Diadochi Period // After Alexander: the Time of the Diadochi (323–281 BC) / V.A. Troncoso, E.M. Anson (eds.).* Exeter.
31. *Rathmann M.* 2005: *Perdikkas zwischen 323 und 320: Nachlassverwalter des Alexanderreiches oder Autokrat? Wien.*
32. *Roisman J.* 2010: *Hieronymus of Cardia: Causation and Bias from Alexander to his Successors // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / E. Carney, D. Ogden (eds.).* Oxf., 135–150.
33. *Roisman J.* 2012: *Alexander's Veterans and the Early Wars of Successors.* Austin.
34. *Schober L.* 1981: *Untersuchungen zur Geschichte Babylonien und der oberen Satrapien von 323–303 v. Chr.* Frankfurt-am-Main–Berne.
35. *Waterfield R.* 2011: *Dividing the Spoils: the War for Alexander the Great's Empire.* Oxf.

PEITHON, AN ALEXANDER'S SUCCESSOR IN THE SHADOW OF GREAT CONTEMPORARIES

S. V. Smirnov

The paper is devoted to the political biography and career of Peithon, son of Crateuas, who is still one of the little-known Early Hellenistic politicians in modern scholarship. At the beginning of his career Peithon was involved into the Eastern campaign as Alexander's bodyguard. By the end of Alexander's life he was quite a powerful general and a member of the king's nearest environment. Shortly after the death of Alexander the Great Peithon became the main participant in the division of his empire. In Babylon (323 BC) Peithon was appointed the satrap of Media. He put down a revolt of Greek military colonists in the 'high satrapies'. After Perdikkas' murder Peithon and Arrhidaios became regents of the empire for a short time. Since the meeting in Triparadeisus in 320 BC Peithon held the post of general of the 'high satrapies'. Some later events (like his relations with Atropates and an unsuccessful war against the eastern satraps) enable the author to suppose that Peithon made attempts to create his own kingdom in the East.

Keywords: Peithon, diadochi, Hellenism, Antigonos 'the One-eyed', Hieronymus of Cardia, Seleucus I.